

Секция «Юриспруденция»

**Общепризнанные принципы и нормы международного права в решениях
Конституционного Суда Российской Федерации**

Воронин Дмитрий Геннадьевич

Студент

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Юридический
факультет, Орел, Россия*

E-mail: mr.dimid2012@yandex.ru

Несмотря на то, что 5 мая 1988 года Российская Федерация ратифицировала Европейскую (Римскую) конвенцию о защите прав человека и основных свобод, зачастую сведения о том, что собой представляют общепризнанные принципы и нормы международного права, ограничиваются тем, что согласно части 4 статьи 15 Конституции РФ «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью её правовой системы. . . ». Однако исходя из данной конституционно-правовой нормы сложно понять, что понимается под общепризнанными принципами и нормами международного права, в каком соотношении они находятся с действующим российским законодательством и какое влияние оказывают на судебную систему РФ, в том числе на деятельность Конституционного Суда РФ.

По мнению Н.С. Бондаря [1], международные обычаи, наряду с международными договорами и постановлениями Европейского Суда по правам человека, вынесенными по жалобам против РФ, относятся к источникам права, действующим в судебной системе РФ, созданным в межгосударственной правовой системе и включенным в национальную правовую систему России с помощью внутренних актов государства. Данную точку зрения разделяет и В.Д. Зорькин, по мнению которого «Российская Конституция включает в себе механизм (часть 4 статьи 15 – прим. Авт.), позволяющий вводить в отечественную правовую систему новые принципы и нормы» [2].

Одной из особенностей части 4 статьи 15 Конституции РФ является то, что она совместила 2 понятия: источник международного права (договор) и вид норм международного права (общепризнанные принципы и нормы). Однако неопределенность иерархическое положение общепризнанных принципов и норм, выраженных в форме международного обычая, в российской правовой системе серьезно затрудняет деятельность правоприменительных органов. По мнению О.Н. Малиновского, одна из причин недосказанности Конституции в вопросе определения статуса общепризнанных обычных принципов и норм международного права состоит в том, что установление в части 4 статьи 15 их приоритета по отношению к нормам внутригосударственных законов нарушило бы соотношение между законом и обычаем, характерное для национальной правовой системы, в которой ведущую роль играет закон [4].

Международные договоры и обычаи, включенные в национальную правовую систему, являются официальными формами выражения различных категорий норм международного права. К ним относятся:

1. общепризнанные принципы международного права, имеющие договорную и обычно-правовую формы.
2. общепризнанные договорные нормы международного права, закрепленные, например, в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года,

Конвенции о правах ребенка 1989 года.

3. общепризнанные обычные нормы международного права (содержатся во Всеобщей декларации прав человека 1948 года, Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью и т.д) [4].

4. договорные нормы, не являющиеся общепризнанными. В свою очередь договоры, в которых содержатся эти нормы, подразделяются на договоры универсального уровня, региональные договоры, партикулярные договоры.

В состав общепризнанных принципов международного права входит такая категория норм, как основные принципы международного права, развиваемые во многих международных актах, включая Устав ООН, Заключительный акт Сопения по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 года и другие [5].

Особая роль в формировании практики применения общепризнанных принципов и норм международного права принадлежит Конституционному Суду РФ, который в своих решениях [3] рассматривает их в тесной взаимосвязи друг с другом. Так, в Постановлении от 13 марта 1992 года, по делу о проверке ряда нормативных актов Республики Татарстан. Суд сделал вывод, согласно которому «ничто в принципе самоопределения не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или нарушению территориальной целостности . . . суверенных и независимых государств». В Постановлении от 15 апреля 1988 года по делу о проверке конституционности Федерального закона «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» Суд постановил, что недопустимо возмещение вреда, нанесенного России государством — агрессором за счет стран, которые сами стали жертвами агрессии.

Примером использования Конституционным Судом в своем решении актов, принимаемых в рамках международных межправительственных организаций [6], является Постановление от 26 ноября 2002 года, в котором были использованы рекомендации, содержащиеся в т.н «Токийских правилах» (принятых резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 45/110 от 14 декабря 1990 года Стандартных минимальных правилах в отношении мер, не связанных с тюремным заключением). Суд постановил, что «поскольку установление наличия оснований для условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и принятие решения о его применении — прерогатива суда, то осужденному, отбывшему указанную в законе часть наказания, должно быть обеспечено право обратиться именно к суду с соответствующей просьбой». Однако механизм влияния рекомендательных положений на решения Конституционного Суда, специфичен. Использование Судом рекомендательных резолюций международных организаций влияет на аргументацию Суда, способствует выработке его дальнейших правовых позиций. Непосредственно юридической нормативностью обладают сами правовые позиции Конституционного Суда. Таким образом, рекомендательные положения влияют на решения Суда не непосредственно, а через обязательность правовых позиций Суда для всех государственных органов и должностных лиц.

В заключении хочется отметить, что одной из основных проблем, стоящих как перед Конституционным Судом, так и перед другими российскими судебными органами, является то, что не существует федерального закона, устанавливающего перечень данных принципов и норм и порядок их применения в российской правовой системе. Принятие

такого закона может означать, что у Конституционного Суда РФ появится дополнительная нормативно – правовая база для обоснования решений.

Литература

1. Бондарь Н.С. Конвенционная юрисдикция Европейского Суда по правам человека и осуществление конституционного контроля. // Актуальные проблемы развития судебной системы и системы добровольного и принудительного исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции, арбитражных и третейских судов, Европейского Суда по правам человека. Краснодар, «Юридический Центр – Пресс», 2000. С. 194 – 219.
2. Зорькин В.Д. Роль Конституционного Суда РФ в реализации Конвенции о защите прав человека и основных свобод. // Сравнительное конституционное обозрение. № 1 (54), 2006. С. 35-37
3. Лаптев П.А. Российское правосудие и Европейский Суд по правам человека. // Конституционное правосудие в защите прав человека и гражданина в РФ. Ульяновск, 2007. С. 96 – 100.
4. Малиновский О.Н. Международные договоры и обычаи в иерархии первичных и вторичных источников права федерального уровня, действующих в судебной системе России. // Общеизвестные принципы и нормы международного права и международные договоры в практике конституционного правосудия. М., Международные отношения, 2004. С. 205 – 218.
5. Толстик В.А. Международное право в правовой системе России: проблема включения и иерархического размещения. // Конституционное правосудие в защите прав человека и гражданина в РФ. Ульяновск, 2007. С. 70 - 73.
6. Тиунов О.И. Общеизвестные принципы и нормы международного права: понятие и их роль в решениях Конституционного Суда РФ. // Общеизвестные принципы и нормы международного права и международные договоры в практике конституционного правосудия. М., Международные отношения, 2004. С. 31 - 36.